

граффити
Ирэн
Роздобудько

Амулет
Паскаля

Харьков
«Фолио»
2012

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Кирпич, лежащий на краю крыши

1

Когда люди остаются сами с собой наедине, им свойственно делать какие-то довольно интимные вещи. Скажем, чесать спину, запустив руку под свитер. И это еще не такая уж крамола по сравнению со многими другими! Какими — можете себе сами представить. Тем более что нет в мире человека, который бы порой не наблюдал за собой со стороны и не ужасался тому, ЧТО он делает, когда его никто не видит. И ничего такого в этом нет. Но иногда меня охватывает необыкновенный ужас, когда представляю себе такую ситуацию: я с наслаждением чешу спину, полностью отдавшись приятным ощущениям, и вдруг передо мной распахивается занавес, который до этого надежно ограждал меня от другого измерения, и у меня появляется куча зрителей.

Все они — в вечерних нарядах, с бокалами шампанского в руках... Они стоят вокруг дивана, на котором лежу я — в домашних шерстяных носках, запустив руку под свитер! Я замираю. Они — тоже. Немая сцена...

Нам не дано знать, кто находится рядом — на расстоянии вытянутой руки или еще ближе: на расстоянии вздо-

ха, кто дышит нам в затылок или в какое невидимое лицо мы посылаем струйку выпущенного из губ дыма...

Пространство вокруг нас плотно заполнено. Это даже не коммуналка, а скорее — тюрьма или тамбур поезда, в котором стоят призраки. Или наоборот: ты сам — призрак в кругу нарядных людей. Занавес раздвигается лишь на миг, и ты попадаешь в это измерение, как пришелец с другой планеты.

Кто хоть однажды не представлял себе такое? Тот, с кем никогда не случались подобные неприятности.

В детстве мне хотелось опровергнуть все законы физики и астрономии. На рисунках в учебнике для пятого класса четко было представлено устройство Вселенной: планеты кружат по своим орбитам вокруг Солнца. А я иногда думала, не крутимся ли все мы... в кабине огромного лифта? Лифт этот — в доме, дом — в городе, город — в стране, страна — на планете, которая несоизмеримо больше песчинки нашей Вселенной. Двери могут неожиданно открыться (ведь кто-то куда-то едет в этом лифте!), и тогда сквозняк сметет пригоршню планет, нарушит круги этой Солнечной системы, и вся наука полетит к чертям.

А еще я думала: может быть, вот эта система, со знанием дела описанная в учебнике, всего лишь клеточка на теле великана? Или — его глазное яблоко?

Мне казалось, что мир устроен, как матрешка: меньшая вкладывается в большую. И так — до бесконечности... Точно так же и измерение вкладывается в измерение.

Когда я начала рисовать, учителя говорили, что мои рисунки слишком «засорены», ведь даже небо я рисовала заселенным разными существами. Ну что тут поделаешь, я так чувствовала. Поэтому меня и выставили из художественной школы...

Ощувив эту вселенскую перенасыщенность, я стала думать, где бы найти место, чтобы побыть там одной. Довольно странное было желание. Монастырь? Но во мне было слишком много плотского. К тому же там нужно вставать в четыре утра...

Позже — почти что сейчас! — я поняла, что могу жить и наслаждаться только в... своей голове, то есть — в воображении. По крайней мере, туда не проберутся люди с бокалами шампанского в руках. Конечно, если я сама их туда не впущу!

Все мои действия и участие в активной общественной жизни заканчивались бегством. Возможно, поэтому я попадала во все западни, которые встречались на моем пути. Я давно обратила внимание на такой вот парадокс: те, кто пытаются сбежать, всегда оказываются пойманными именно на тот крючок, от которого пытались уберечься!

И все же, я думаю, этот дом не западня. Хотя очень на это похоже.

Он расположен на окраине маленького предместья, за ним — чудесный лес, а чуть в отдалении возвышаются горы с вечно белыми вершинами.

Когда я думаю о том, как очутилась тут — в этой стране, в этом доме, у этого леса, — именно тогда и приходит

в голову то, о чем я уже говорила: лифт открылся, ход планет нарушился, самая маленькая матрешка упала, разбилась, из нее вылетел гусь, из гуся выпало яйцо, из яйца — иголка. Иголка упала в стог сена.

Все просто.

Иголка — это я...

На верхнем этаже, в моей комнате есть все необходимое: туалет и ванная, кухонный уголок со всеми техническими прибамбасами, которые сами варят кофе, моют посуду, разогревают ужин (если, конечно, я не ем внизу), спальня с огромной кроватью и окном во всю стену, из которого видны лес и горы. Моя обитель — единственное современное, что есть в этом доме. Мсье Паскаль организовал все это для меня, как только увидел, что я приехала в рваных джинсах, с одним чемоданом в руках и с тремя колечками в ухе. Мне не пришлось ему ничего объяснять. Это меня вполне устраивает, иначе бы не выдержала и снова сбежала.

Иногда он говорит: «Откуда вы взялись на мою голову?» Это значит, что он уже не может без меня обходиться. Я быстро усвоила, что все его слова нужно воспринимать шиворот-навыворот. Думаю, что это ему во мне и нравится. И мне в нем тоже. Я не люблю прямолинейных людей. Или тех, кто считает себя таковыми. Порой их «Вы хорошо выглядите» означает, что у меня синяки под глазами, а «Вы такая порядочная женщина!» красноречиво свидетельствует о том, что я настоящая курва, которая спит и видит, как мсье Паскаль подписывает завещание в ее пользу. Еще устраивает то, что в мои обязанности не входит

мыть посуду, что мне не нужно драить полы и пылесосить ковры.

Мсье Паскаль встает в три часа то ли утра, то ли ночи. Разве я могу просыпаться так рано? Он это понимает и не зовет меня, даже если у него выкручивает суставы. Хотя в такие ночи я и сама это чувствую (у меня невероятное чутье!) и спускаюсь, чтобы принести таз с горячей водой и достать из аптечки едкую зеленую мазь. «Убирайтесь прочь...» — стонет он, опуская руку на мою склоненную над его коленями голову. Я изо всех сил втираю мазь, и его ноги постепенно становятся теплыми, а мои ладони просто-таки горят огнем. Когда боль становится невыносимой, он глубже запускает пальцы в мои волосы и треплет их так, что утром мне трудно расчесываться.

Если бы наши гости, которые, собственно, бывают у нас не так уж и часто, отвели в сторону занавес своего измерения и на миг оказались здесь — о, что бы они подумали!

Однажды, представив себе это, я рассмеялась.

Утро наступает для меня примерно в девять. Я отправляюсь в ванную, наполняю джакузи, выливая в него полфлакона пены с лавандой, надеваю наушники и слушаю свою любимую мелодию Мишеля Леграна. Какую — не скажу.

Потом пью кофе с круассанами. Я ненавижу круассаны! Терпеть не могу всякие булочки и пирожные, которыми пропах весь центр города. Но круассаны — это ритуал. И я его исправно соблюдаю — а вдруг у меня за спиной окажется та добрая женщина, которая встает ни свет ни заря, печет их для такой шушеры, как я, и заставляет своего

сына-школьника развозить в плетеной корзине по адресам, указанным в визитках.

Мне уютно. Я нажимаю на пульт плазменного экрана и вслед за диктором прилежно повторяю все слова. С каждым днем незнакомых становится все меньше. Впрочем, мсье Паскалю очень нравится мой акцент. Я пытаюсь сохранить его. Поэтому слушаю не только Леграна, а еще один диск, который привезла с собой:

*...Моя дівчинко печальна,
моя доле золота.
Я продовжую кричати...
Ніч безмежна і пуста...*

Когда мсье Паскаль попросил рассказать, о чем эта песня, я ответила, что она про курву, которая отравила старого и очень больного мужа-миллионера, завладела его кредитными карточками, а потом, не вынеся угрызений совести, пошла на высокую кручу, прыгнула с нее в глубокое море и утонула, а потом...

Мсье Паскаль покачал головой и сказал, старательно произнося незнакомые слова: «Моя дывчєнко пьєчьєльна... — это курва?»

В десять я одеваюсь. Вернее — раздеваюсь, то есть снимаю махровый пушистый халат. На мне только длинная шифоновая накидка. Такой вот квадрат с дырой посередине... Честно говоря, я бы могла ходить по этому дому вообще голая, но это не входит в планы мсье Паскаля. В отличие от меня, он человек довольно-таки целомудрен-

ный. Да и никаких планов относительно меня у него нет. И это мне тоже нравится, ведь когда я со своим чемоданом ввалилась в этот шикарный дом на окраине, подумала, что мне здесь придется пылесосить не только ковры...

Хорошенько завернув остатки круассанов в туалетную бумагу, я незаметно кладу их в мусорный пакет. Я закрываю дверь своей комнаты и окунаюсь в романтический полумрак, среди картин, развешанных на стенах вдоль отполированных перил длинной лестницы, каждый поворот которой отмечен присутствием львиной или лошадиной головы. На портретах — люди в средневековых одеждах, некоторые — в белых или черных париках. Кружевные воротники, золотые пряжки. Неровный свет, шорохи, выразительная тишина... Я раскланиваюсь с каждым портретом, и тело мое становится невесомым под их взглядами. Я — призрак. Мы играем в игру, кто из нас живее. Каждый мой шаг вниз — шаг в прошлое, каждая ступенька измеряется годами. Шаг — и сразу минус пятьдесят! Порой мне кажется, что, спустившись с последней, я окажусь в райских кущах и положу начало жизни на той песчинке, что бессмысленно вращается внутри лифта!

Преодолев ступени, оказываюсь в холле, через который тоже должна проплыть, как невидимая лодчонка среди айсбергов старины — резного комода начала XVI века, такого же бюро с канделябром в виде грифона, клюющего печень у несчастного Прометея, кресел и стульев, обитых выцветшими тканями ручной работы. Тут совсем темно — окон нет.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть первая.</i> КИРПИЧ, ЛЕЖАЩИЙ НА КРАЮ КРЫШИ	3
<i>Часть вторая.</i> «МЕЖДУ ВОСТОРГОМ И ПЕЧАЛЬЮ»	84
<i>Часть третья.</i> ЗЕЛЕНый БЛОКНОТ	120
<i>Часть четвертая.</i> ДЕТИ	147